

УДК 94"1939/45"

DOI: 10.15393/j14. art.2015.60

Статья

Пертти Ранникко

Университет Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
Институт географических и исторических исследований,
Йоэнсуу, Финляндия
доктор социологических наук, профессор экологии
pertti.rannikko@uef.fi

**"НЕВИДИМЫЕ ЛЮДИ" — непостоянное население
отдаленных сельских районов Восточной Финляндии
(перевод д. и. н. Ю. М. Килина)**

Аннотация. В статье на основе зарубежной литературы и результатов полевых исследований рассматривается феномен непостоянного (невидимого) населения на примере сельской периферийной местности финской провинции Северная Карелия. Автор формулирует вывод о формировании новых экосоциальных групп, которые изменили социальную структуру в эпоху перехода от продуктивизма к постпродуктивизму в сельской местности Финляндии. Тем самым создается новая социальная реальность, которая нуждается в дальнейшем изучении. Автор также кратко высказывается об аналогичном феномене в Российской Карелии на примере деревни Ондозеро

Ключевые слова: невидимое население; деревня Сивакка; экосоциальные группы; Ондозеро; провинция Северная Карелия; туризм, национальные парки; охраняемые территории

Начиная с 1990-х гг. западные ученые-социологи говорят о переживаемом в наше время переходном периоде от продуктивизма к постпродуктивизму в использовании природных ресурсов и развитии сельской местности [см., напр. 5; 7; 12]. Продуктивизм в сельской местности по общему правилу означает производство максимальных объемов продовольствия, древесины и других товаров. В постпродуктивистской модели сельская местность и природа являются объектами индивидуального потребления и источником особого переживания опыта. При этом рациональность постпродуктивизма не исчезает полностью, а дополняется другими, конкурирующими формами использования природы. Все чаще находящиеся в сельской местности и на природе представлены людьми, проживающими здесь в свое свободное время, путешественниками, туристами, охотниками или рыбаками. Сельская местность и природа превратились в место для отдыха, где положение дел во все возрастающих масштабах определяют нерезиденты.

Исследователей в Северной Европе в наибольшей степени интересует быстро растущий феномен нерезидентов, которые проживают в сельской местности в свое свободное время. Количество дачных домов в Финляндии с начала 1960-х гг. увеличилось в пять раз. В стране, население которой составляет 5 млн человек, насчитывается 0,5 млн дачных домов. Поскольку достоверных данных о количестве посещений дачных домов и их использовании нет, в Швеции и Финляндии принято называть дачников «невидимым сельским населением». Эта концепция, по моему мнению, еще больше подходит для описания феномена временно находящихся в сельской местности групп: путешественников, туристов, охотников, рыбаков и других подобных им категорий людей, о пребывании которых в сельской местности известно еще меньше, чем о дачниках, проводящих свой летний отдых за городом. В данной статье будет детально проанализировано упомянутое выше понятие и сделаны выводы о его применимости в современных условиях, учитывая постоянно растущее количество людей из различных групп, прибывающих в сельскую местность. Представленные мною наблюдения сделаны в отдаленных районах сельской местности Восточной Финляндии, где различные группы непостоянного населения постоянно увеличиваются, а численность постоянного, круглогодично проживающего населения сокращается.

Анализируемыми в исследовании объектами являются коммуна Лиекса и деревня Сивакка, находящиеся в северной части провинции Северная Карелия, неподалеку от государственной границы. По другую сторону российско-финляндской границы находится Муезерский район Республики Карелия. В завершающей части этой статьи представлен краткий анализ значения феномена непостоянного летнего населения в деревне Ондозеро в Российской Карелии. По обе стороны государственной границы благосостояние населения зиждилось на лесном хозяйстве и лесозаготовках. Уже в 1960-х гг. в Финляндии началось драматичное сокращение объемов лесных работ. Типичным для изучаемой местности является значительный удельный вес государственных лесов. В целом в Финляндии частновладельческие леса и небольшие лесные хозяйства доминируют в поставках древесины, но в северной и восточной частях страны государство является собственником больших лесных угодий. Как будет показано в данной статье, значение «невидимого населения в сельской местности» значительно выросло как раз в тех отдаленных сельских районах, в которых леса принадлежат государству.

Исходное понятие

Понятие «невидимое сельское население» в научный оборот первым ввел Д. К. Мюллер, в настоящее время профессор университета в Умео (Швеция). Прежде всего он известен как исследователь феномена непостоянного, дачного, населения. Опубликованная им в 1999 г. докторская диссертация посвящена изучению немцев — владельцев дачных домов в Швеции. Несмотря на то что в диссертации еще не было сформулировано понятие «невидимого сельского населения», его очертания уже были заметны в заключительной части диссертации. Автор пришел к выводу, что хотя иностранные дачники для большинства местного населения оставались практически «невидимыми», тем не менее они тратили большие суммы денег в коммунах проживания, тем самым поддерживая местную экономику [13: 195—197].

В своих последующих работах Мюллер, возглавивший исследовательскую группу, более широко рассматривал воздействие владельцев вторых домов в сельской местности на демографические и экономические процессы в Швеции [18; 15]. Опираясь на результаты исследований, он подверг критике разделение сельского населения на постоянное и непостоянное, обосновывая такой подход статистическими и административными причинами. На практике к сельскому населению относят лишь зарегистрированных в сельской местности людей, в то время как проживающее в сельской местности в течение длительных временных промежутков непо-

стоянное население к таковому не относят. В свою очередь, учет только имеющих регистрацию лиц формирует более пессимистичное представление о демографической ситуации в сельской местности и ее привлекательности в сравнении с реальным положением дел.

По мнению Мюллера, долговременный процесс сокращения постоянного населения в сельской местности в восприятии общественности не означает, что она становится менее интересной и привлекательной. Одновременно с процессом миграции сельского населения в города заметно увеличилось численность непостоянного, городского по происхождению, населения в сельской местности. С одной стороны, сельская местность, несомненно, утратила свою привлекательность как место постоянного проживания, с другой — непостоянное проживание в ней привлекает людей как никогда ранее. Несмотря на важность этого феномена, в демографической статистике он не отражается, так как временное проживание в ней не учитывается. По этой причине непостоянное население можно считать «невидимым сельским населением».

Невидимость этой категории жителей сельской местности, по мнению Мюллера, имеет отношение не только к статистическому учету, но в равной мере и к администрации сельских районов. Непостоянное население не может принимать участия в местных выборах, и в целом в деятельности властей на уровне коммун эта группа игнорируется. Поскольку в принятии общественно значимых решений учитывается лишь зарегистрированное население, в практических делах часто могут возникать неожиданные проблемы. Так, например, одновременно с убылью населения может сформироваться растущий спрос на недвижимость, что не будет учтено при составлении планов местным сообществом. Феномен непостоянного населения с вызываемыми им последствиями необходимо более тесно интегрировать в процесс принятия решений на местном уровне, положив тем самым конец искусственному разделению постоянного и непостоянного населения [20].

В своих исследованиях Мюллер перечисляет причины, обусловившие рост численности собственников второго жилья в сельской местности, а также значение этого феномена [напр., 14: 170—174; 16]. Само по себе владение людьми несколькими объектами жилой недвижимости не является новым феноменом. Социальные изменения, ускорившиеся во второй половине XX в., увеличили привлекательность приобретения жилья для проведения свободного времени. Сокращение численности сельского населения увеличило предложение на рынке жилья, которое можно использовать для проведения досуга. Растет численность зажиточных пенсионеров, которые по причинам, связанным со здоровьем, имеют возможность проводить время в приобретаемых в сельской местности домах. Переход к обществу услуг увеличивает и количество домохозяйств самостоятельного населения, не достигшего пенсионного возраста, которое имеет возможность часть времени работать в своих вторых домах в сельской местности или организует свое рабочее время таким образом, чтобы чаще использовать второе жилье. Используя такие современные технические инновации, как интернет и сотовая связь, можно поддерживать контакты с членами семьи, коллегами по работе и друзьями на больших расстояниях. Мюллер, изучавший немцев, купивших второе жилье в Швеции, естественно, не забывает и о глобализации и интернационализации, облегчивших приобретение недвижимости иностранными гражданами.

Обозначенные выше социальные трансформации оказывают различное воздействие на сельскую местность, в зависимости от ее географического местоположения, что выявляется при анализе увеличения количества второго жилья в определенной местности [15]. Количество такого жилья может увеличиваться либо за счет строительства новых домов, либо приобретением ранее построенных зданий, предназначенных для постоянного проживания, используемых теперь как второе жилье. В отдаленных районах в результате миграции населения

покинутые дома часто используются как дачи. Наличие в данной местности большого количества такого жилья может даже использоваться в качестве индикатора негативного развития определенной местности [15; 22: 57—60]. Новое строительство в основном концентрируется у озер и рек и недалеко от территорий, привлекательных в туристическом отношении, для обозначения которых Мюллер использует термин «hot spot».

В заголовках статей Мюллера, опубликованных на английском языке, часто встречается термин «второй дом» (*second home*). В текстах же иногда используется термин «невидимый» (*invisible*). Словосочетание «невидимое сельское население» автор стал активно использовать только начиная с 2008 г., однако в заголовках статей оно и после этого изредка встречается лишь в названиях некоторых его статей, опубликованных на шведском языке. Судя по этому, для Мюллера «невидимое сельское население» является не строгим научным понятием, а скорее популярной фразой, своего рода лозунгом, помогающим участвовать в общественном дискурсе и заниматься успешным фандрайзингом для продолжения своих исследований. В 2008—2010 гг. подчиненный шведскому Министерству по охране окружающей среды Совет по исследованиям Formas финансировал возглавлявшийся Мюллером исследовательский проект «Невидимое сельское население» (*Landsbygdens «osynliga» befolkning*). В заключительном докладе о результатах проекта были сделаны выводы, адресованные научному сообществу и представленные в научно-популярной форме [2]. Термин «невидимое сельское население» используется лишь в заголовках научно-популярных публикаций на шведском языке. В научных статьях автор по-прежнему доверяется давно апробированному термину «второй дом» (*second home*). Тем не менее термин «невидимое население» оказался весьма удачным, и в 2013 г. Совет по исследованиям Formas принял решение о финансировании возглавляемого Мюллером нового исследовательского проекта, который получил название «Что делать с этим невидимым населением» (*Hur gör man med dessa «osynliga» invånare?*) [3].

Несмотря на то что и в этом новом проекте Мюллер не конкретизирует понятие «невидимое сельское население», можно отметить его воздействие на параметры проекта и постановку исследовательских задач. В своих многочисленных научных статьях Мюллер подвергает критике исследователей, изучающих феномен непостоянного населения в сельской местности, за недостаточное внимание к самой этой местности [17]. Соответственно, и в исследованиях сельской местности на непостоянное население обращается недостаточно внимания, в сравнении со значением этого феномена в настоящее время. Изучение проблемы непостоянного сельского населения с начала 1990-х гг., когда к ней появился интерес, в основном проводилось в рамках исследования туризма, результаты которого публиковались преимущественно в газетах. Тем самым, увеличение непостоянного населения рассматривалась как часть феномена мобильности. По мнению Мюллера, отнесение непостоянных жителей в сельской местности к категории туристов обусловило их изучение в отрыве от местных сообществ. В центре исследования оказались собственники вторых домов, а не их положение и роль как элемента сельской местности и ее развития. По мнению Мюллера, связь и идентификация собственников второго жилья в сельской местности существенно не отличаются от круглогодично проживающего в ней населения [17; 20]. Он выдвигает требование, чтобы в изучении феномена собственников второго жилья больше внимания уделялось сельской местности, а в исследовании сельской местности — собственникам второго жилья.

Представляется, что в своих новых проектах Мюллер по-прежнему полагается на использовавшиеся им до этого методы исследования. Эмпирический материал он собирает рассылкой по почте обширных опросных анкет, которые заполняют лица, непостоянно живущие в сельской местности [19], или получает их от местных властей в виде регистрационных записей [21]. Безусловно, с одной стороны, такого рода материалы дают возможность

делать выводы о взглядах и отношении непостоянных жителей к месту их проживания; с другой же, эти источники не позволяют выявить значение непостоянного населения в развитии местных сообществ и сельской местности. Такого же рода экстенсивные источники используются и в финских исследованиях феномена непостоянного населения в сельской местности [напр., 1]. В своей диссертации К. Питкянен [22] использовала и качественные материалы, но и они «по-мюллеровски» представлены лишь интервью владельцев второго жилья в сельской местности. Ниже я попытаюсь обозначить перспективы и подходы к изучению феномена непостоянного населения, основанные на более тщательном исследовании собственно сельской местности и ее развития. Для этого будут представлены отличающиеся мобильностью группы, для которых понятие «невидимое население», по моему мнению, подходит даже лучше, чем для дачников.

Пределы понятия

Те же социальные изменения, которые определили увеличение популярности второго жилья, вызвали к жизни и другие формы использования сельской местности для поведения свободного времени. Рост значения свободного времени в жизни современных людей и общества для сельской местности означал новые сферы деятельности и прибытие новых групп людей. Примерное представление о значении этих групп людей можно составить, сравнив количество людей, участвующих в разного рода увлечениях, связанных с природой, с постоянно проживающим населением. Начну с уровня провинции Северная Карелия и коммуны Лиекса, после чего перейду к анализу на микроуровне (отдельная деревня). За последние 50 лет население коммуны Лиекса сократилось с 26 000 до 12 000 человек. В административном центре коммуны в настоящее время проживают 3100 человек [10]. За 40 лет количество дачных домов в коммуне увеличилось с 700 до 2600. Поскольку дачные дома, как правило, используются несколькими людьми, можно утверждать, что за пределами административного центра коммуны численность сезонных жителей значительно выше, чем постоянно проживающего населения. Природа Лиексы привлекает большое количество людей, не входящих ни в одну из этих групп.

Создание на территории коммуны Лиекса в 1982—1991 гг. национальных парков Патвинсуо и Коли, а также туристической зоны Руунаа в значительной степени способствовали развитию природного туризма [31]. В национальном парке Коли ежегодно регистрируется более 100 000 посещений, в туристической зоне Руунаа — почти столько же. Национальные парки и туристическая зона с оборудованными маршрутами гарантируют современному путешественнику безопасность и притягательную силу природы. Обеспеченные набором услуг, маршруты оборудованы не только на охраняемых территориях, но и за их пределами. В провинции Северная Карелия насчитывается более 1000 км пешеходных маршрутов разной сложности [23: 56—58]. Кроме того, в сельской местности и в лесах, на водных пространствах имеются маршруты для передвижения на каноэ, велосипедах, снегоходах, места для рыбной ловли и вышки для наблюдения за птицами. Сюда для отдыха на этих маршрутах прибывают горожане в поисках новых впечатлений и душевного спокойствия.

В прежние времена в лесу, по болотам и озерам передвигались только местные жители. Деревенские жители занимались сбором ягод и грибов в прилегающих к деревням лесах и на болотах, а также ловлей рыбы на ближних озерах [25: 40—43]. Дары леса и озера были основой семейного питания. Естественно, и в прежние времена в сборе ягод, грибов и рыбалке был элемент отдыха, но в настоящее время рыбная ловля, сбор грибов и ягод преимущественно являются формами проведения свободного времени. Примерно 90 000 жителей провинции Северная Карелия с свободное время занимаются ловлей рыбы, то есть хотя бы раз в год бывают на рыбалке.

Рыбаки прибывают в провинцию также из других частей Финляндии и из-за рубежа, и в 2004 г. в Северной Карелии их насчитывалось 105 000 человек [23: 58]. Любителей еще одной традиционной формы использования природы, охоты, в Северной Карелии примерно 20 000.

Судя по количеству членов охотничьих обществ охотников в коммуне Лиекса насчитывается до 2200. Массовости охоты в Лиекса способствуют большие площади государственных лесов. Охотники на крупную и мелкую дичь прибывают в Лиексу для охоты в государственных лесах преимущественно из Южной Финляндии [24: 285]. Охота претерпела те же самые изменения, что и другие формы использования природы. Наряду с местными охотниками старшего возраста в охоте принимает участие более молодое поколение охотников-горожан [26]. Люди, прибывающие на природу, обеспечивают занятость местного сельского населения, хотя туризм в Северной Карелии не является таким же крупным источником доходов, как в Лапландии. В г. Лиекса местных жителей, занятых в сфере туризма, насчитывается примерно 200, что составляет лишь 5 % от общего числа занятых в этом городе. К тому же из общего количества рабочих мест предприятий сферы туризма три четверти находятся за чертой города. Приграничные деревни Руунаа и Нурмиярви, жители которых прежде были заняты на лесозаготовках, превратились в туристические поселения, как и находящиеся на берегу озера Пиелинен деревни Коли и Вуонислахти. Таким образом, значение туризма для некоторых деревень может быть велико.

Значение мобильных групп непостоянного населения велико в местностях, подобных коммуне Лиекса, которые пережили большую убыль постоянного населения. Многие отдаленные лесные районы превратились в территории для проведения свободного времени, на которых находятся путешественники, туристы, охотники, рыбаки и дачники. В самое последнее время наряду с категориями непостоянного населения, представляющими постпродуктивистский сценарий социального развития, частично как их конкуренты, стали появляться представители новой категории, символизирующие новый подъем продуктивизма в сельской местности. С большой скоростью появляются все новые рудники. Для производства энергии во все возрастающих масштабах используется сырье из болот, лесов и лугов. Работа на рудниках и использование биоэнергии, впрочем, обходится без местных жителей, операторы лесозаготовительных машин и шахтеры постоянно проживают за десятки и даже сотни километров от места работы. Отдыхающие на природе и представители новых производящих отраслей, как правило, не являются органичной частью местных сообществ. Точных данных о действиях и количестве этих различных групп нет ни у местного населения и властей, ни у представителей самих этих групп. Это невидимое (непостоянное) сельское население состоит из специфических экосоциальных групп, которые по разному связаны с природой и местной культурой. Многие представители этих групп могут одновременно быть членами сразу нескольких групп и представлять собой невидимое население в различных сельских местностях, поскольку в настоящее время многие люди участвуют в различных сетевых структурах, и могут решать свои задачи в нескольких местах. Большие цифры и количественные показатели не говорят много о значении и роли мобильных групп в развитии сельской местности. Статистические данные необходимо дополнять полевыми материалами и более интенсивными методами исследования.

География маленьких цифр

В 1976 г. финский академик И. Хустич (Ilmari Hustich) опубликовал в газете «Терра» финского географического общества статью «Некоторые размышления о проблемах периферийных территорий», в которой он высказался о большом значении маленьких цифр. Несмотря на то что эти мысли можно считать научным завещанием одного из самых авторитетных финских географов XX в., статья осталась малоизвестной. Завершается она личным замечанием Хустича:

«Мы, социологи, в основном оперируем усредненными цифрами: численностью городского населения, изменениями в численности населения коммун, усредненными оценками уровня жизни, средними расстояниями от места жительства до работы и т. д. Мы обозначаем большим количеством цифр проблемы человеческого ландшафта. Изучаем среднего человека, его реакции и поведение....

Возможно, все это необходимо. Хорошее и достойное академическое ремесленничество. Но усредненные показатели больших серий и моделей не говорят нам всей правды. Когда мы, например, изучаем эти периферийные территории, мы становимся перед лицом величия маленьких цифр. Уменьшаясь, цифры превращаются в людей, которые становятся заметными на занимаемой ими территории. Когда эти т. н. маленькие люди, индивидуумы, на периферийных территориях исчезают, в ландшафте появляется как бы вакуум: пустой дом и темные окна, зарастающие лесом поля, пустынный остров, на берегах которого нет движения» [6: 194].

Упомянутые выше рабочие места в сфере туризма в г. Лиекса являются хорошим примером большого значения маленьких цифр, о чем говорил Хустич. Незначительные на уровне коммуны цифры могут становиться весьма значимыми, если их рассматривать на уровне отдельных деревень. Цифры, характеризующие развитие малонаселенных территорий, легко попадают в тень статистических данных, описывающих процессы на более благополучных территориях. Если людей мало, влияние и небольших цифр может быть значительным. Ниже на примере деревни Сивакка будет показано значение и роль невидимого населения на ограниченной по площади, примерно 300 кв. км, территории (см. схему 1).

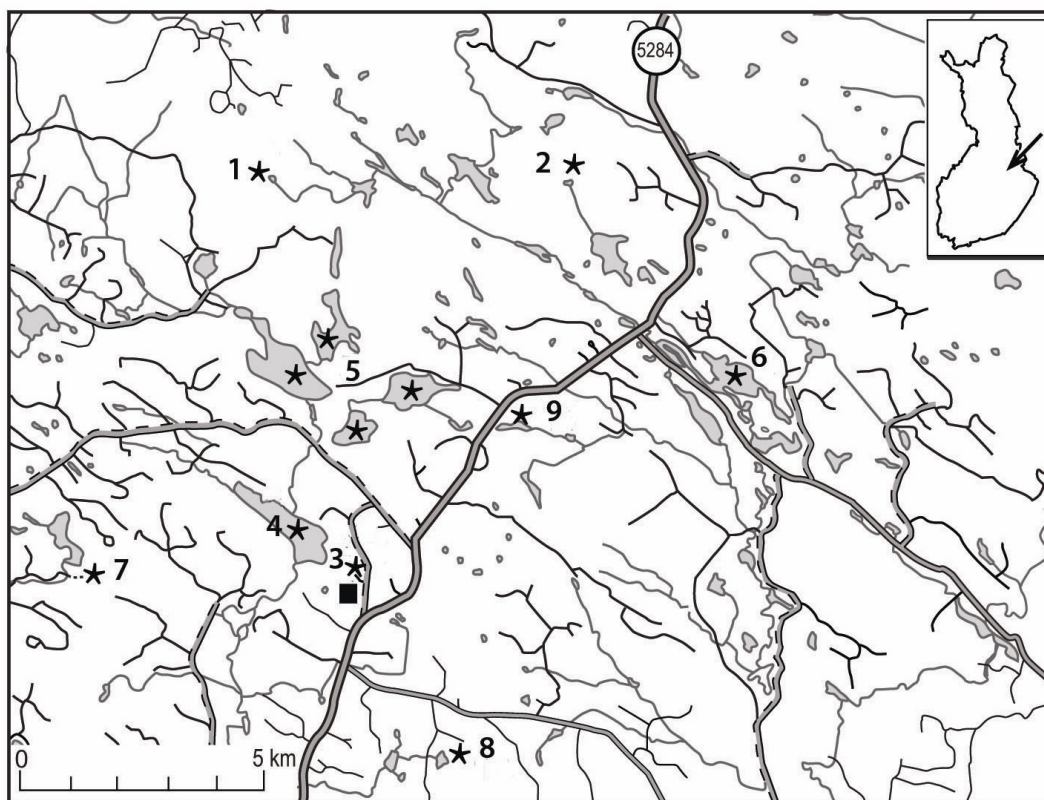

Схема 1. Месторасположение природных объектов для отдыха и туризма в окрестностях деревни Сивакка [25].

■ Бывшая школа деревни Сивакка

Охраняемые природные территории: 1. Национальный парк Хииденпортти;

2. Реликтовый лес Порккасало; 3. Старый еловый лес в деревне

Места для рыбной ловли: 4. Озеро Сиваккаярви; 5. Озера Аутиоярви, Кивиярви и Суоярви

Туристические объекты: 6. Рыболовная зона Пеураярви; 7. Дом-музей Муртоваара

Охотничьи дома: 8. Охотничья избушка Эря-Вейкот; 9. Охотничий дом Петяя-ярви

Сивакка находится на периферии Валtimo, самой северной коммуны провинции Северная Карелия. Десятилетия деревня жила и развивалась за счет лесных работ, но вследствие прекращения здесь лесозаготовок численность ее населения с 400 человек в 1960 г. к настоящему времени сократилась до 30. В университете Восточной Финляндии и его предшественнике, университете Йоэнсуу, Сивакка и соседняя деревня Расимьяки изучались в течение 40 лет. В 2008 г. был опубликован четвертый по счету доклад об этих деревнях. В настоящее время ведется полевая работа по сбору материала для пятого доклада. Предыдущие доклады публиковались в 1973, 1984 и 1996 гг. В них в основном описывался процесс ликвидации в этих деревнях лесного и сельского хозяйства, в результате чего они были заброшены и обезлюдели. В докладе 2008 г. впервые содержатся упоминания о том, что эти деревни стали выполнять новые социальные функции, прежде всего связанные с проведением отдыха и охраной окружающей среды. Для решения новых задач в деревни и окружающую их местность прибыли новые люди, которых обобщенно можно назвать невидимым сельским населением.

Несмотря на то что окружающие Сивакку леса экономически эксплуатируются, механизированные рубки не оказывают воздействия на социальную жизнь деревни. Время от времени из ближайшего города в лес прибывает многофункциональная лесозаготовительная машина, а грузовики быстро вывозят срубленную древесину. Доходы от продажи древесины уходят в бездонные кассы владельцев крупных лесных участков, государства и лесозаготовительных фирм. Механизация лесных работ лишила жителей деревни рабочих мест, и многие дома остались без постоянных жителей. В июле 2003 г. студенты университета Йоэнсуу М. Вайсянен и М. Пекканен, передвигаясь на велосипедах и автомобиле, провели интервьюирование дачников в Сивакке и Расимьяки. Согласно собранным ими сведениям в Сивакке и ее окрестностях насчитывалось в общей сложности 39 домов, из которых в 14 население проживало постоянно, в 21 — отпускники только в летний период и 4 дома были заброшены [32].

Проживавшие в летнее время в самой деревне и поблизости от нее в основном были либо уехавшие из Сивакки ее бывшие жители, либо их потомки, у которых в этой местности остались родственники. Они проводили отпуск на заброшенных приусадебных участках, так как на этой территории было всего два дачных дома, специально построенных для этих целей. Организация летнего отдыха здесь характеризуется тем, что на берегах озер нет дачных домов. В Финляндии, как правило на берегах озер, строятся новые дачные дома, но на территории Сивакки их нет, что объясняется не только заболоченностью берегов, но и системой землевладения: собственником почти всех береговых участков является государство, и проект Главного лесного управления Финляндии по продаже береговых участков в коммуне Валtimo еще не был реализован.

Владельцы дачных домов активно посещают болота, озера и леса в окрестностях д. Сивакка. Тем не менее в еще большей степени здесь пользуются природой не представители этой группы. На схеме 1 обозначены места, посещаемые невидимым населением. В одной из своих статей я показал, какие большие группы людей в течение года посещают все эти места. Я пришел к выводу, что, если очертить круг диаметром в 10 км с центром в деревне, количество людей, ежегодно бывающих на этой территории, по самой скромной оценке, может быть определено в 10 000. В это число входят люди, идущие по пешеходным маршрутам в национальном парке Хииденпортти, посетители дома-музея Муртоваара, охотники в государственных лесах, собиратели ягод и грибов, рыбаки на озерах [см. подробнее: 25].

Леса Сивакки для общества были открытым пространством, которое могло использоваться для удовлетворения менявшихся общественных потребностей. Открытость лесов и природы на этой территории для новых форм использования в основном определяется существующи-

ми условиями собственности: собственником большей части лесов здесь является государство. Когда в Финляндии в 1970-х гг. было осознано значение охраны окружающей среды и начато планирование создания охраняемых природных территорий, взгляды обратились к государственным лесам, свободному пространству для принимавших решения политиков. Частновладельческие лесные угодья и леса, принадлежащие фирмам, было труднее перевести в категорию охраняемых. Поэтому большая часть охраняемых природных территорий, как и государственные леса, находятся в Северной Финляндии и периферийных районах Восточной Финляндии. У озера Пеураярви государство оборудовало рыболовную зону, в которую входят пешеходные тропы и даже бревенчатые дома для размещения туристов [25: 44—45].

Сокращение численности населения и старение оставшегося местного постоянного населения уменьшило использование местными жителями лесов, болот и озер. Их место заняли люди, постоянно живущие в других местах. В настоящее время самая большая группа населения в Сивакке представлена не 30 постоянно здесь проживающими, а базирующимися в охотничьем доме Петяя-ярви охотниками из Куопио. В 1990-х гг. охотничье общество Куопио приобрело этот дом у Главного лесного управления Финляндии, которое построило это общежитие как место временного проживания для своих рабочих в 1950-х гг. В те же самые леса люди приезжают, как и прежде, но уже не для работы, а для отдыха. 30 членов охотничьего общества Куопио с членами своих семей и являются той группой, члены которой наиболее активно посещают леса и озера Сивакки. Другое активное охотничье общество в этой местности представлено основанным в 1960-х гг. жителями Сивакки, лесными рабочими и мелкими земледельцами Эря-Вейкот, практически все члены которого не проживают в этой деревне. Аналогичным образом ловля рыбы и сбор ягод в этой местности за последние десятилетия превратились из занятия местных жителей, добывавших пропитание для домашнего потребления, в способ отдыха прибывающих сюда людей. Доступность пригодных для ловли рыбы озер и рек значительно улучшилась в 1980—1990-е гг., когда Главное лесное управление построило большое количество лесовозных дорог, выходящих к речным и озерным берегам [25].

Хотя в район Сивакки прибывает для общения с природой большое количество людей из других местностей Финляндии, здесь не функционируют туристические фирмы. Приезжающие туристы самостоятельно посещают национальный парк, идут по туристическим маршрутам, охотятся в лесах, ловят рыбу в разрешенных местах, собирают ягоды, грибы, ловят рыбу на удочку или на донку. Условия для более интенсивного использования местности в районе Сивакки для отдыха в основном создает Главное лесное управление, которое отвечает за поддержание маршрутов в подобающем состоянии, а также строительство необходимой инфраструктуры в национальном парке Хииденпортти и рыболовной зоне Пеураярви. Охотников из других местностей в леса Сивакки привлекают большие по площади государственные леса еще и потому, что в 1990-х гг. Главное лесное управление начало активно продвигать на рынке охотничьи лицензии. По причине увеличения функций, связанных с охраной природы и ее использования для отдыха, в начале 1990-х гг. была проведена реорганизация, в результате которой из Главного лесного управления выделили подразделение, отвечающее за использование природы, и имеющее собственные доходы. Эта деятельность стала второй главной задачей Главного лесного управления, наряду с лесным хозяйством [24: 280—284].

Разновременные экосоциальные группы

Касающаяся д. Сивакка география малых чисел выявила мобильные группы, находящиеся в отдаленной периферийной местности, и способствовала конкретизации понятия невидимого сельского населения. Наряду с дачниками появились многие другие группы, проводящие свободное время в сельской местности: путешественники, туристы, рыбаки, охотники

и т. д. Л. Гранберг [4: 175] использует для обозначения новых мобильных групп в сельской местности понятие экосоциальные сообщества. Эти сообщества связывают своих членов более или менее тесными узами с местной природой и окружающей средой, с характерными для них культурными и историческими особенностями. Для описания этого феномена я предпочитаю понятие «экосоциальные группы». Основная особенность этих групп — отношение к природе, но не для всех них важна экологичность, природосбережение. Во многих этих группах внутреннее взаимодействие и сплоченность настолько незначительны, что беспочвенным является отношение к ним как к сообществам. В случае с Сиваккой понятие «сообщество» может быть использовано в основном в отношении действующих здесь охотничьих обществ, а также деревенских жителей и части дачников.

В подобных Сивакке периферийных деревнях сформировалась новая социальная структура, в которой прежнее деревенское сообщество является одной из многих групп. Сельская местность формируется из различных мест, используемых различными экосоциальными группами. Национальный парк, рыболовную зону, дом-музей и охотничьи угодья посещают совершенно разные люди, никак не связанные друг с другом и которые не обязательно знают хотя бы о существовании других людей в этой местности. Одни и те же места могут иметь различное значение для разных людей: для одного это туристический объект, для другого — охотничьи угодья, для третьего — возможность собирать ягоды и грибы, для четвертого — территория, прилегающая к дачному дому. Многие периферийные деревни превратились в места посещения, состояние дел в которых в значительной степени определяют люди, постоянно живущие в других местах. Цитируя британского ученого-географа Д. Массей [11], эти деревни можно охарактеризовать как перекрестки, где сходятся протоптанные в разное время тропинки и остаются следы людей, прибывших сюда с разными целями.

Современный человек не находится в одном и том же месте и не занят одним и тем же делом, одновременно он принадлежит многим местам и сетям. Зарегистрированные в сельской местности также могут быстро перемещаться из одного места в другое и быстро общаться с другими людьми на больших расстояниях. Многоместный режим жизни сформировал в сельской местности эластичную и мобильную социальную структуру, частью которой являются различные группы невидимого населения.

Короткая экскурсия в лесную деревню Российской Карелии

Изучение финских периферийных лесных территорий заставляет нас сделать набросок того, как можно было бы изучать роль «невидимого населения» в периферийной сельской местности в Российской Карелии. По обе стороны государственной границы траектория развития лесных поселков и деревень была одинаковой — от расцвета лесных работ к их быстрому завершению. Все же в графике этих изменений и их динамике наблюдаются различия, что будет показано на примере самой восточной в Муезерском районе деревни Ондозеро¹. Деревня находится на северном берегу одноименного озера. Воды из этой местности впадают в озеро Выгозеро, на берегу которого находится г. Сегежа. Со второй половины 1930-х гг. здесь был построен большой ЦБК, для нужд которого сплавался лес с берегов Ондозера. Каки повсюду в Карелии, в окрестностях д. Ондозеро в 1950-х гг. начались лесозаготовки и было построено большое количество лесных поселков. На западном берегу озера, недалеко от старой деревни Корпилахти, для рабочих-сплавщиков был построен поселок Пески, а на берегу реки Елма — лесопункт. Влияние лесных и сплавных работ на развитие самой д. Ондозеро

¹ Описание д. Ондозеро составлено на основе интервью, взятых у жителей деревни в ходе 5 поездок в 2012—2014 гг. Также мною использована статья Алексея Степанова «Деревня Корпилахти и судьбы ее жителей», опубликованная в 6-м и 7-м номерах газеты Carelia за 1995 год.

в 1950-х гг. было еще незначительным. Ондозерский колхоз в 1947 г. был преобразован в рыболовецкий колхоз, поскольку в озере в то время было много рыбы.

Во время организации лесных работ в 1960-х гг. произошли изменения, в результате которых Ондозеро стало центром лесозаготовок. В начале десятилетия в непосредственной близости от старой деревни был построен лесопункт советского типа. Поселки на берегу р. Елма и Пески были ликвидированы и население вывезено в другие населенные пункты. В 1960-х гг. была полностью заброшена и деревня Корпилахти. Единственная оставшаяся в этой местности деревня Ондозеро, напротив, росла и развивалась за счет лесных работ.

История деревни Ондозеро аналогична истории других деревень Карелии: небольшая карельская деревня превращалась в лесной поселок советского типа, развивалась и расцветала в течение короткого времени, после чего внезапно утрачивала все рабочие места в лесу и начинала приходить в запустение [27]. Перестройка принесла новые проблемы: количество рабочих мест сначала сократилось, а в 1997 г. лесопункт был ликвидирован. Несколько позже в деревне была закрыта школа. В 2006 г. в деревне была ликвидирована мэрия и в административном отношении Ондозеро было подчинено Ругозеру.

В период расцвета лесопромышленного хозяйства советского типа старые лесные и лесосплавные деревни были ликвидированы, а их население переселено в новые лесопункты. Когда лесозаготовительные работы прекратились и в самом Ондозере, они не велись ни в одной из близлежащих деревень. Несмотря на это деревня не пришла в запустение так же, как ранее лесопункты. Большая часть жителей трудоспособного возраста переехала в города, но в деревне остались пенсионеры. Из прежних 700 жителей в зимнее время в ней проживают 100 человек. В летнее время население удваивается за счет людей, приезжающих на свои дачи.

В отличие от Финляндии, где летнее жилье находится на берегах озер, в Ондозере дачи находятся среди домов, в которых люди живут круглогодично. Одной из причин отсутствия отдельно стоящих домов для отдыха является недостаточное количество дорог и их неудовлетворительное состояние, другой — возможный ущерб, вызванный действиями других лиц. Часть летних жителей приезжает в дома, оставленные их родственниками, но в последние годы заброшенные дома в качестве дач покупают и посторонние лица. Покупатели живут в основном в находящейся в 170 км Костамукше, но в отдельных случаях они прибывают из Санкт-Петербурга и Мурманска, находящихся в 1000 км от Ондозера. В деревне был построен лишь один полностью новый дом для летнего отдыха. Покупатели старых домов, как правило, делают в них основательный ремонт и часто строят окружающий дом высокий забор. Работающие проводят на дачах летний и зимний отпуска, пенсионеры живут более продолжительное время. Новые жители, проводящие здесь часть своего времени, самодостаточны и не нуждаются в услугах местных жителей, даже в ремонте приобретенных домов.

У летнего жилища в России несколько другая роль в сравнении с Финляндией, так как на дачных приусадебных участках в России традиционно выращиваются овощи для зимнего потребления. Горожане получают со своих дачных участков картофель, свеклу, помидоры и урожаи других культур. В лесу собирают ягоды и грибы, в озере ловят рыбу. Значение дач в продовольственном снабжении было особенно велико в переходный период в 1990-х гг. Согласно некоторым исследованиям значение дач в некоторой степени изменилось в результате улучшения продовольственной ситуации в России [28]. Все чаще на дачах не выращивают картофель и не занимаются садом, а отдыхают. Эта же тенденция заметна и в Ондозере, где только редкий летний житель выращивает картофель или садовые культуры. Производство продукции для домашнего потребления сокращается и у постоянного населения. Кроме того, 20 лет тому назад в Ондозере в домашних хозяйствах насчитывалось 35 коров, а в 2014 г.

лишь 2. В наибольшей степени как среди постоянного, так и периодически проживающего населения сохранился такой способ самостоятельного пополнения рациона, как рыбалка.

В Ондозеро прибывает и некоторое количество туристов из Финляндии, которые размещаются в местных семьях. Непрерывность финского туризма обеспечивает группа активных женщин, которая по собственной инициативе организует прием гостей и различные культурные программы. За исключением финских туристов, другие гости деревни не размещаются в домах местных жителей. В деревенском магазине иногда можно встретить водного туриста, маршрут которого пролегает через Ондозеро, или рыбака, но они ночуют в палатках на природе. У деревенских жителей нет сведений об этом «невидимом населении».

Было бы интересно более детально изучить «невидимое население» подобных Ондозеру деревень. Как меняется количество владельцев дач, прибывших из других мест, туристов, путешественников, охотников и рыбаков в различных деревнях Российской Карелии? Что привлекает это «невидимое население»: хорошие дороги, красивые пейзажи или активные жители? Что делают на своих дачах летние жители и каковы их связи с живущими здесь круглогодично людьми? Какую пользу деревенские жители могут извлечь из роста туризма и присутствия непостоянного населения? Интересны были бы и международные сравнения, которые могут представлять интерес для использования опыта других стран.

Источники и литература

1. *Aho, Seppo & Heli Ilola* 2006. Toinen koti maalla? Kakkosasuminen ja maaseudun elinvoimaisuus. Lapin yliopisto, Kauppatieteiden ja matkailun tiedekunta, Rovaniemi.
2. Formas projektdatabas 2014a. Landsbygdens "osynliga" befolkning: en analys av fritidsboendes relationer till den svenska landsbygden. <http://proj.formas.se/detail.asp?arendeid=17880>. (Viitattu 24.3.2014).
3. Formas projektdatabas 2014b. Hur gör man med dessa "osynliga" invånare? Landsbygdskommuner och deras hantering av fritidshusens effekter. <http://proj.formas.se/detail.asp?arendeid=29805&x=250&y=20&sprak=1&redovisning=0>. (Viitattu 28.4.2014).
4. *Granberg, Leo* 2004. From Agriculture to Tourism: Constructing New Relations Between Rural Nature and Culture in Lithuania and Finland. In: Alanen, Ilkka (ed.). Mapping the Rural Problem in the Baltic Countryside. Ashgate, Aldershot. 159–178.
5. *Halfacree Keith* 1997. Contrasting roles for the post-productivist countryside. A postmodern perspective on counterurbanisation. In: Cloke, Paul & Jo Little (eds). Contested Countryside Cultures. Routledge, London. 70–93.
6. *Hustich, Ilmari* 1976. Hajanaisia mietteitä syrjäseutujen ongelmista. Terra 88(4): 185–195.
7. Ilbery, Brian & Ian Bowler 1998. From agricultural productivism to post-productivism. In: Ilbery, Brian (ed.). The Geography of Rural Change. Longman, Harlow. 57–84.
8. *Kauppila, Pekka* 2009. Perifeeristen matkailukeskusten vapaa-ajanasunnot. Alue ja Ympäristö 38(1): 59–66.
9. *Kylän paikka* (2008). Uusia tulkintoja Sivakasta ja Rasimäestä. Tutkijaryhmä: Seppo Knuuttila, Pertti Rannikko, Jukka Oksa, Tapio Hämynen, Hannu Itkonen, Heidi Kilpeläinen, Mikko Simula, Sinikka Vakimo & Marjatta Väisänen. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki.
10. Lieksan väestötilastoja 2013. www.lieksa.fi. (Viitattu 15.5.2014).
11. *Massey, Doreen* 2008. Samanaikainen tila. Vastapaino, Tampere.
12. Mather, AS 2001. Forests of consumption: postproductivism, postmaterialism, and the postindustrial forest. Environment and Planning C 19: 249–268.
13. *Müller, Dieter K.* 1999. German Second Home Owners in the Swedish Countryside. Umeå University, Department of Social and Economic Geography, Umeå.

14. *Müller, Dieter* 2002. German Second Home Development in Sweden. In: Hall, C. Michael & Allan M. Williams (eds). *Tourism and Migration: New Relationships between Production and Consumption*. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht. 169–185.
15. *Müller, Dieter K.* 2004. Second Homes in Sweden: Patterns and Issues. In: Hall, C. Michael & Dieter K. Müller (eds). *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Channel View, Clevedon. 244–258.
16. *Müller, Dieter K.* 2008. Fritidshusägare: Landsbygdens “osynliga” befolkning. *Miljöforskingen* 5–6/2008: 29–31.
17. *Müller, Dieter K.* 2011. Second homes in rural areas: Reflections on a troubled history. *Norsk Geografisk Tidskrift* 65(3): 137–143.
18. *Müller, Dieter K. & C. Michael Hall* 2003. Second Homes and Regional Population Distribution: On Administrative Practices and Failures in Sweden. *Space, Populations, Societies* 2/2003: 251–261.
19. *Müller, Dieter K., Urban Nordin & Roger Marjavaara* 2010. Fritidsboendets relationer till den svenska landsbygden. Resultat av en enkät bland svenska fritidshusägare 2009. Umeå universitet, Kulturgeografiska institutionen, Umeå.
20. *Müller, Dieter K., Roger Marjavaara & Urban Nordin* 2011. Fritidsboende – landsbygdens “osynliga” befolkning. *Plan* 65(3): 14–19.
21. *Müller, Dieter K. & Roger Marjavaara* 2012. From Second Home to Primary Residence: Migration towards Recreational Properties in Sweden 1991–1995. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* 103(1): 53–68.
22. *Pitkänen, Kati* 2011. Mökkimaisema muutoksessa. Kulttuurimaantieteellinen näkökulma mökkeilyyn. Itä-Suomen yliopisto, Yhteiskuntatieteiden ja kauppatieteiden tiedekunta, Joensuu.
23. *Puhakka, Riikka* 2007. Luonnon virkistyskäyttö ja luontomatkailu. Teoksessa: Pohjois-Karjalan ympäristö – nykytila, uhat ja mahdollisuudet. Joensuun yliopisto, Ekologian tutkimusinstituutti, Joensuu. 55–60.
24. *Raitio, Kaisa & Pertti Rannikko* 2006. Metsien käyttö ja sosiaalinen kestävyys: Metsähallituksen roolin muuttuminen Lieksassa. *Metsätieteen aikakauskirja* 2/2006: 271–291.
25. *Rannikko, Pertti* 2008. Sivakan metsät avoimina ja suljettuina tiloina. Teoksessa: Kylän paikka. Uusia tulkintoja Sivakasta ja Rasimäestä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki. 25–58.
26. *Rannikko, Pertti* 2012. Luontosuhteen muutoksia Ilomantsissa. Teoksessa: Knuuttila, Seppo, Helmi Järviluoma-Mäkelä, Anne Logrén & Risto Turunen (toim.). *Syrjäseudun idea. Kulttuurianalyysijä Ilomantsista*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki. 93–104.
27. *Rannikko, Pertti & Jarmo Kortelainen* 2013. Шоковая терапия на границе российской Карелии – постсоциализм в двух лесопромышленных поселках. *Studia Humanitatis Borealis* 1: 53–72. http://sthb.petrus.ru/journal/content_list.php?id=4061 (21.12.2013).
28. *Southworth, Caleb* 2006. The Dacha Debate: Household Agriculture and Labour Markets in Post-Socialist Russia. *Rural Sociology* 71(3): 451–478.
29. *Stepanov, Aleksei* 1995. Korpilahti ja korpilahtelaisten kohtaloita. *Carelia* 6/1995: 98–107 & *Carelia* 7/1995: 129–144.
30. Suomen tilastollinen vuosikirja 2012. Tilastokeskus, Helsinki.
31. *Vatanen, Eero, Ilkka Eisto & Pertti Rannikko* 2012. Luontopalvelut ja matkailu syrjäisen maaseudun elinkeinojen uudistajana: Tapaus Lieksa. *Kunnallistieteellinen aikakauskirja* 40(2): 89–115.
32. *Väisänen, Marjaana* 2008. Paluu juurille – Sivakka ja Rasimäki lomalaisten kohtauspaikkoina. Teoksessa: Kylän paikka. Uusia tulkintoja Sivakasta ja Rasimäestä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki. 208–225.

Pertti Rannikko

University of Eastern Finland (Campus Joensuu)

Department of Geographical and Historical Studies, Joensuu, Finland

Doctor of Social Sciences, Professor of Environmental Policy,

pertti.rannikko@uef.fi

«INVISIBLE POPULATION» — Non-permanent People in Remote Rural Areas of Eastern Finland (translation by prof. Y. Kilin)

Abstract

This article based on foreign literature and the results of field studies conducted by the author deals with the phenomenon of non-permanent (invisible) rural population by the example of remote peripheral areas of the Finnish province of North Karelia. The author draws a conclusion that the formation of new eco-social groups have changed the social structure in rural areas during the era of the transition from productivism to post-productivism in the Finnish countryside. It, therefore, creates a new social reality, which requires further study. The author also briefly mentions a similar phenomenon in the Russian Republic of Karelia using the Ondozero village case as an example.

Keywords: invisible population; Sivakka village; ecosocial groups; Ondozero; North Karelia province; tourism; national parks; protected areas.